

и наименования раздела. Иллюстрации, наименования разделов, а также тексты кулинарных рецептов обрамлены декоративными рамками (дугообразными, круглыми, прямоугольными), обогащенными растительными мотивами. Данные рамочные обрамления позволили художнику не только организовать пространство бумажного листа, но и ритмизировать общую структуру книги. В художественном облике издания зримо ощущается эмоциональная атмосфера народной культуры. Народная стилистика присутствует как в образном строе, так и в средствах пластической выразительности книжных иллюстраций. В основе изображений лежит колористическая броскость, сообразная с народной цветовой символикой. Образы персонажей иллюстраций дополнены деталями условной окружающей среды – цветами, листьями, предметами кухонной утвари, а также изображениями кулинарных блюд.

Таким образом, миниатюрная книга, обладая значительным культурно-просветительным потенциалом и высокими художественными свойствами, способна стать одним из средств возрождения интереса студенческой молодежи к национальной литературе и культуре, к самому процессу чтения как ключевому элементу духовно-нравственного воспитания и интеллектуального и эстетического развития личности.

1. Бельскі, М. Р. Упершыню... / М. Р. Бельскі // Літаратура і мастацтва. – 1990. – 19 студз. – С. 13.

2. Вильтовский, В. Белорусская миниатюрная книга / В. Вильтовский // Свіцязь = Свитязь : альм. – Минск, 1989. – С. 180–184.

3. Казлоўскі, М. М. Мініяцюрныя і некаторыя малафарматныя кнігі / М. М. Казлоўскі // Да кніжных скарбаў дакрануся...: нататкі бібліяфіла / М. М. Казлоўскі. – Мінск, 2011. – С. 210–233.

МЕХАНИЗМ РАЗМЫВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере образования)

Н. В. Самосюк,

*кандидат культурологии, старший преподаватель Брестского
государственного университета имени А. С. Пушкина*

Белорусы, оказавшись в 1921 г. в составе польского государства в соответствии с Рижским мирным договором, пытались отстаивать свои права как национального меньшинства. Дей-

ствия же административного аппарата были нацелены на стирание белорусской культурной идентичности, в первую очередь с помощью вытеснения белорусской культуры и языка из школ.

Проблема обучения детей на родном языке не переставала быть самой главной заботой всей белорусской общественности в Польше. Наибольшее внимание к этой проблеме было обращено членами Белорусского посольского клуба. На страницах белорусской газеты «Сялянская ніва» был опубликован мемориал под названием «Тернистая дорога белорусской школы в Польше». Белорусских послов поддержали немецкие, украинские и еврейские. С белорусской стороны его подписали Ф. Еремич, В. Рогуля, представители «Сялянскага саюза», ксендз А. Станкевич, Христианская демократия, П. Метла, П. Волошин и С. Рак-Михайловский, Рабоче-крестьянская громада [2, с. 526–562]. В начале текста были приведены документы, гарантирующие права национальных меньшинств в Польше: Версальский договор, Рижский трактат, а также конституция Польши. Далее авторы пытались обосновать, что польское правительство стремилось уничтожить образование на белорусском языке, чтобы ополчить два с половиной миллиона населения: «Население (белорусское) не имеет школы на родном языке, так как школьные власти не только не разрешают открывать новые, но и закрывают все до этого времени существовавшие общеобразовательные школы» [1, л. 4]. Накануне официального присоединения территории Западной Белоруссии к польскому государству существовало 400 белорусских школ, а уже в 1922 г. только 47. В 1924/1925 учебном году были закрыты последние 29 белорусских школ. Кроме того, были закрыты две белорусские учительские семинарии в Свислочи Волковысского повета и Борунах Ошмянского повета. Часть потерявших работу учителей были, 240 человек, были отправлены в Краков на своеобразные образовательные курсы, по окончании которых их направили в польские школы вглубь Польши. Если кто-то из них не хотел соглашаться на подобные условия, то остался безработным. При этом официальной причиной ликвидации школ называлось отсутствие соответствующего законодательного документа. Появившийся же 31 июля 1924 г. документ, так называемое языковое постановление для национальных меньшинств, содержащий много неоднозначных мест, давал простор для злоупотреблений со стороны школьных властей. Причем ухудшилось положение не

только общеобразовательных школ, но также и частных средних школ. Постановление министерства вероисповеданий и народного просвещения от 23 апреля 1925 г. предписывало преподавать на польском языке помимо непосредственно предметов (так называемой полонистики) также всемирную историю и географию. Это привело к такой ненормальной ситуации, когда в белорусской гимназии на польском языке преподавали больше, чем на белорусском. Послы выступили с протестом, чтобы отменить действие этого постановления, однако безрезультатно. Когда же шел сбор подписей населения за отмену этого постановления, также не обошлось без притеснений и злоупотреблений со стороны как школьных, так и административных властей. Белорусский посольский клуб попытался обратить внимание властей в лице премьер министра и министра вероисповеданий и народного просвещения на эти случаи, однако тщетно.

В то же время, несмотря на все трудности, чинимые административными властями различных уровней, белорусское население написало 412 деклараций об открытии школ на родном языке в 1925/1926 учебном году. Однако эти усилия не дали результатов. Все активисты белорусского движения, собиравшие подписи по деревням, оказались под пристальным контролем административных властей [1, л. 4].

Жалоба посла С. Рак-Михайловского о притеснениях белорусских школ как со стороны центральных органов власти, так и местной администрации вынудила министра вероисповеданий и народного просвещения В. Грабского держать ответ перед главой Сейма. В первую очередь, министр заявил, что школьные власти никогда не давали никаких распоряжений о закрытии белорусских школ. Во-вторых, в жалобе шла речь о закрытии 362 белорусских школ, но министерство не знает на каких именно статистических источниках основывается это число. Далее из документа следует, что белорусские школы закрывались на основании того, что в действительности языком преподавания там являлся русский. Кроме того, по мнению министра, часть школ закрылась сама из-за материальных проблем [1, л. 16]. Постановление от 31 июля 1924 г. регулировало существование общеобразовательных белорусско-польских школ. При этом министр пытался заверить, что наличие данного типа школ не имеет своей целью вытеснение белорусского образования и если, «при изменении школы с одним языком преподавания на двуязычные, происходили случаи злоупотреб-

ления со стороны школьных властей, то пострадавшие должны обращаться в соответствующие инстанции» [1, л. 17].

Примечательно, что официально министерство не располагало точными данными о количестве прошений родителей об открытии белорусских школ для их детей на 31 декабря 1925 г. При этом министр заявлял, что при открытии школы, во внимание берутся не только заявления от родителей какого-либо национального меньшинства, в данном случае белорусского, а всех жителей конкретного школьного округа. Относительно случаев злоупотреблений со стороны школьных властей, приводимых в жалобе, министр выразил сомнение в самих фактах «если бы дошло до министерства, то они бы, безусловно, были устранены в соответствии с законодательством» [1, л. 17].

Министерству было хорошо известно о серьезной нехватке квалифицированных педагогических кадров, которые могли бы преподавать на белорусском языке. В 1925 г. для решения этой проблемы были организованы курсы в Кракове и Вильне, которые готовили учителей для общеобразовательных школ восточных воеводств польского государства как католического, так и православного вероисповедания. Многие молодые педагоги прошедшие эти курсы уже вернули и приступили к работе. Относительно наличия высококвалифицированных белорусских учителей, высланных на этнически польские территории, министр ничего не знал, но мог бы выяснить, если бы были приведены конкретные факты. В соответствии со статистическими сведениями на 1 декабря 1924 г. в центральных и южных районах Польши числилось 44 педагога белорусской национальности, в то время как на территории школьных округов Белостокского, Полесского и Виленского воеводств – 352. Вместе с тем министру было известно, что не все из 352 педагогов, белоруссов по национальности, могли бы преподавать свои дисциплины на белорусском [1, л. 18].

В жалобе приводился факт того, что осенью 1922 г. во время выборов в Сейм и Сенат в Кракове проводились курсы повышения квалификации учителей, чтобы наиболее активные белорусские учителя на этот период не могли влиять на окружающее население. Министр этот факт полностью отрицал, мотивируя тем, что курсы для учителей непольской национальности по истории, географии проводились намного ранее, во второй половине 1921 г. в Лобзове. При этом это были лица православного вероисповедания, однако не все из них заявили о своей белорусской национальности. 11 учителей заявили, что

они поляки. В документе приводится также, что часть позиционировала себя россиянами и часть русинами, однако конкретные цифры в документе не приведены. Большинство из этих учителей, по мнению министра, не преподавали в белорусских школах, так как не знали в достаточной степени своего языка. В подтверждение своих слов он приводит тот факт, что из 250 учителей только 20 написали свою биографию на белорусском языке «без серьезных языковых ошибок» [1, л. 18]. Сразу же напрашивается вопрос о том, кто из преподавателей польских курсов хорошо владел белорусским языком, чтобы иметь достаточные основания для оценки биографий. Далее министр отмечает, что о развитости белорусского национального самосознания и возможности преподавать на белорусском языке свидетельствует тот факт, что большинство тех, кто заявил о своей белорусской национальности, автобиографии написали на русском языке, а значительная часть на польском. Перемещение белорусских учителей в центральнопольские районы министр объяснял их слабым владением польским языком даже после окончания курсов. Также часть выпускников курсов сама заявила о том, что хочет остаться в центральной Польше. Осознавая все сложности трудоустройства, министерство все же пыталось учитывать желания выпускников курсов, особенно при наличии у тех семьи и сельского хозяйства. Распределить всех выпускников по восточным школьным округам, по мнению министра, было даже технически совершенно невозможно. И все же большая часть, 127 учителей из 215, получившие удовлетворительные оценки на экзаменах, вернулись в восточные воеводства, соответственно 59 % учителей были трудоустроены в Белостокском, Виленском и Полесском воеводствах [л. 4]. В соответствии со статистическими данными о национальной принадлежности учителей на 1 декабря 1924 г. процент выпускников курсов, работающих в восточных воеводствах, увеличился.

В жалобе приводится дело белорусского учителя Александра Гайко. Он также окончил курсы и хотел получить место в родном виленском школьном округе, однако его отправили в лодзский. В Тишине он фактически проработал только три месяца и был уволен по собственному желанию, так как хотел жить и работать в Виленском повете. По этому вопросу 3 ноября 1923 г. А. Гайко был в министерстве и обо всех обстоятельствах своего дела доложил лично Тадеушу Микуловскому, начальнику отдела образования учителей. При этом свои дей-

ствия, увольнение и стремление вернуться в Виленский повет объяснял тем, что должен заботиться о матери. В соответствии с постановлением министерства от 23 марта 1923 г. выпускники курсов обязаны были отработать три года в той местности, куда их направит министерство. Когда Гайко вернулся в свой повет и пытался устроиться на работу, то ему отказали. Министр пытался обосновать, что дело Гайко не имеет никакого отношения к притеснениям белорусских учителей и что вообще нет никаких притеснений со стороны школьных властей [1, л. 21].

В заключение министр подытожил, что он никаким образом не стремился «потопить» белорусские школы, не издал ни одного распоряжения, которое бы преследовало цель противодействовать развитию образования на белорусском языке на территории восточных школьных округов либо ущемляло права учителей белорусов. Вопрос об открытии белорусских школ регулируется постановлением от 31 июля 1923 г., в то же время их учителя должны владеть как белорусским, так и польским языком [1, л. 22].

Таким образом, можно сделать вывод, что польские власти планомерно уничтожали национальные школы, активных белорусских учителей отсылали работать вглубь Польши, лишая белорусское население образования на родном языке, тем самым препятствуя становлению белорусской культурной идентичности подрастающего поколения. Из документов следует, что притеснения не были случайными, а носили систематический и целенаправленный характер.

1. Archiwum Aktów Nowych. – Zespół 322. – Sygnatura 2269. Mniejszość Białoruska w Polsce (Szkolnictwo białoruskie, odpowiedzi na interpelacje posłów białoruskich, korespondencja, wycinki prasowe).

2. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі : збор твораў / А. Станкевіч. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2008. – 1097 с.

ФАЛЬКЛАРЫЗМ ЯК АДМЕТНАСЦЬ ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЫ АНТОНА АБРАМОВІЧА

А. І. Смолік,

*доктар культуралогіі, прафесар, загадчык кафедры культуралогіі
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*

У сюзор'і пачынальнагаў беларускай нацыянальнай музычнай культуры ярка зіхаціць імя Антона Іванавіча Абрамовіча,